

УДК 811.512.142

DOI: 10.35330/1991-6639-2019-3-89-99-106

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

М.З. УЛАКОВ, Л.Х. МАХИЕВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье впервые предпринимается попытка комплексного описания и исследования религиозного пласта терминологической лексики карачаево-балкарского языка. Рассматривается влияние различных религиозных верований на развитие современной терминосистемы; выявлены пути их проникновения в терминологическую лексику исследуемого языка. Отмечены фонетические (звуковые), семантические и грамматические трансформационные сдвиги и их особенности.

Ключевые слова: религия, тенгрианство, термин, теоним, языческие культы, христианство, религиозная исламская лексика, топонимия, географические термины

Одним из основных показателей духовной культуры народа является религия. Религия – это «мировосприятие, свод моральных норм и типы поведения, которые обусловлены верой в существование «иного» сверхъестественного мира и существ – духов, богов или Бога, разумно сотворивших все материальные и духовные формы бытия, а также совокупность магических действий, обеспечивающих связь человека с потусторонними силами, и соответствующие организации и объединения верующих» [18, с. 436-437].

Известно, что лингвистика конца XX – начала XXI века «...активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто как орудие коммуникации и познания» [10, с. 49].

Религиозная лексика занимает значительное место в терминологической лексике карачаево-балкарского языка, глубоко проникая в самые различные сферы жизни народа. В исследуемом языке религия развивается как любое общественно-историческое явление. Она сыграла заметную роль в формировании мировоззренческих основ, менталитета, духовных ценностей балкарцев и карачаевцев. В ее эволюции можно условно выделить четыре основных периода: 1) доисламский языческий период; 2) христианство; 3) исламский период; 4) современный период. Каждому периоду присущи определенные признаки. Однако между ними нет четко очерченных границ: традиции одного периода, хотя и в ограниченных пределах, продолжали действовать и в последующие времена.

Материалы карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что языческое верование балкарцев и карачаевцев аналогично подобным верованиям других тюркских народов: узбеков, казахов, киргизов, кумыков и др. Так, самое высшее божество у большинства тюрков называлось одинаково: *Тейри*, *Тенри*, *Тенъри*. В древнемонгольском в значении «Бог солнца». Злой дух именовался – *Байчи*, божеством воды являлся *Суу анасы*.

С другой же стороны, предки балкарцев и карачаевцев очень много унаследовали из общекавказской мифологии. Например, божеством охоты, как и у многих народов Кавказа, была *Апсаты* (ср.: сван. *Апсат*, каб.-черк. *Афсатхэ*, осет. *Афсати*, адыг. *Мезитх*). Самоназвание этого божества, как отмечает Н.Я. Марр, идет с юга, из Фригии и Армении, но его мифологическая сущность – исконно кавказская, возникшая на почве охотничьего быта кавказских народов [15, с. 7 54].

Бог-покровитель охоты и диких животных *Ансаты* – один из наиболее популярных образов в карачаево-балкарской мифологии [9, с. 113].

По ритуалу культу *Ансаты* придавалось большое значение. Строго запрещалось произносить имя бога *Ансаты* и тех зверей, на которых собирались охотиться. Диких животных называли термином «*ажаллы*» «смертник».

В своем исследовании Т.Ш. Биттирова справедливо отмечает, что «...предки современных карачаево-балкарцев, как представителей одного из тюркских субэтносов, в дохристианский период своей истории были приверженцами тенгрианства, религиозной системы, стоящей на грани язычества и монотеизма. Трудно определить, в какой период исторического пути развития карачаево-балкарцев тенгрианство стало ведущей религией. Оно выступало как объединяющая сила для всех тюрков, характерной его чертой, особенно к периоду возникновения мировых религий, является стремление к единобожию. В этом смысле оно ближе мировым религиям, нежели язычеству. Однако тенгрианство, не успев стать мировой религией, было вытеснено у тюрков последовательно христианством и исламом» [7, с. 12].

Религия тюрков раннего средневекового периода – тенгрианство – сложная идеологическая структура с верховным божеством Тейри. В религии балкарцев и карачаевцев верховным богом признавался властелин Вселенной – небесный бог Тейри (Тенгри). Г.Ю. Клапрот, дважды побывавший на Кавказе – в 1807 и 1808 годах, писал: «Простой народ не имеет, собственно говоря, никакой определенной религии: они почитают бога, называемого не Аллах, а Тенгри, который является творцом блага, а также пророка Илью» [2, с. 245].

В мифологических текстах верховный бог отмечается терминами: *уллу Тейри* «великий Тейри», *хан Тейри* «властительный Тейри», *кёк Тейриси* «бог неба», *суу Тейри* «бог воды». Термин «*тейри*» – анимистический бог – хозяин в древнем карачаево-балкарском тенгрианстве, языческое божество в тюркских мифологиях, неперсонифицированное мужское божественное начало, принадлежит к древнейшему мифологическому фонду многих народов мира (карач.-балк. *тейри*, алтайск. *тенгри*, бурят. *тенгэри*, шумерск. *дингур*, шорск. *тегри* и др.). Изначально почти у всех – «дух неба», причём небо мыслилось и непосредственным проявлением, и местом его обитания.

Опираясь на исторические, этнографические и лингвистические данные, И.М. Шамапов приходит к выводу, что теоним *Тейри* в представлении балкарцев и карачаевцев являлся существом всемогущим, вездесущим, с универсальными функциями [22, с. 155]. С укреплением позиций ислама теоним *Тейри* был вытеснен лексемой *Аллах*. В результате этого данная лексема превратилась в культурный концепт, отражающий национальный менталитет.

Вера в магическую силу теонима *Тейри* в карачаево-балкарском языке породила многие виды клятв и заклинаний. Наиболее распространенными являются: *тейри, керти айтама* «клянусь Тейри, говорю правду», *тейри, оллахий* «ей-богу! клянусь богом!», *тейри, билмейме* «ей-богу, не знаю!», *сени Тейри урсун* «пусть тебя накажет Тейри», *Тейри алсын* «чтоб тебя Тейри прибрал» и др.

Правда, сейчас это слово утратило свое религиозное значение и перешло в разряд обычной клятвы. Вряд ли кто подразумевает, произнося теоним *тейри*, «бога неба, бога солнца». Оно участвует в словопроизводстве: *тейри кылыч* «радуга», дословно переводится «меч тейри», «божий меч» [20, с. 136].

Надо отметить, что осетины, кабардинцы, черкесы, чеченцы, ингуши, грузины не употребляют этого термина, что указывает на принадлежность его тюркско-монгольскому ареалу [13, с. 178].

В.М. Батчаев приходит к выводу, «что сама специфика язычества предполагает значительное число конвергентных совпадений, которые в данном случае усугубляются еще и тем, что на протяжении всей кавказской истории в горах происходил синтез языческих культов самого различного происхождения: древнекавказского, иранского, переднеазиатского, тюркского, а в середине века некоторые исконно языческие божества начинают персонифицироваться в образе христианских святых» [6, с. 71].

У балкарцев и карачаевцев развито было поклонение различным неодушевленным предметам (фетишизм). Вплоть до конца XIX века у них существовало очень много магических жертвоприношений, обрядов, они поклонялись различным «священным» местам, камням, деревьям, склепам, могилам, верили в злых и добрых духов [17, с. 88]. Для каждого были свои божества – покровители, у которых просили приплода, детей, урожая, дождя и т.д.

В Верхней Балкарии большим почитанием пользовалось дерево *Раубазы*, в Карачае – *Джуртда Джангыз Терек* «Одинокое дерево».

После тенгрианства религией, осуществляющей функцию общенациональной идеологии, было христианство. Как отмечают ученые, на Северный Кавказ христианство проникло из Византии, со стороны Таманского полуострова, в самом начале V в., и, конечно же, народы, живущие языческими поверьями, начали перенимать и христианские обряды, заимствовать христианские слова. О влиянии христианской религии на карачаево-балкарский язык свидетельствуют слова (термины), которые сохранились в современной терминологической лексике исследуемого языка. Например, названия дней недели и месяцев года. С именами христианских святых связаны: вторник «*геуюрге кюн*» (день святого Георгия); среда «*бараз кюн*» (день святой Параскевы); пятница «*байрым кюн*» (день святой девы Марии), суббота «*шабат кюн*» (из иудейской религии). Сам факт, что карачаево-балкарская неделя состоит из семи дней, свидетельствует о влиянии христианства (юлианского календаря).

Из двенадцати балкарских названий месяцев года под влиянием христианства названы девять. Ср.: январь «*башил айы*» (первый месяц года), февраль «*байрым айы*» (месяц святой Марии); март «*тотурну ал айы*» (1-й месяц Тотура); апрель «*тотурну арт айы*» (2-й месяц Тотура); май «*хычыман ай*» (божий месяц); июнь «*никкола ай*» (месяц Николая); элия ай (месяц пророка Ильи); август «*кьыркьар ай*» (месяц первой стрижки овец); сентябрь «*кьыркьаууз ай*» (месяц второй стрижки овец); октябрь «*этийыкь ай*» (месяц с мясной неделей); ноябрь «*абустолну биринчи айы*» (1-й месяц Апостола); *Абустолну экинчи айы* (2-й месяц Апостола).

Исследуемый материал показывает, что названия дней недели и месяцев года у балкарцев и карачаевцев связаны с христианством, что свидетельствует о продолжительном господстве христианства и его глубоких корнях.

«У балкарцев и карачаевцев в календаре больше, чем у других народов Центрального Предкавказья, сохранилось названий, связанных с некогда бытовавшим здесь христианством», – пишет О. Л. Опрышко [19, с. 213].

Интересно и то, что в настоящее время в карачаево-балкарском языке нет ни одного мусульманского названия дней недели и месяцев года.

Религиозная лексика христианского периода до сих пор сохранилась в лексике балкарцев и карачаевцев. Присутствие некоторых терминов в языке также свидетельствует о влиянии христианства. Например, термины: название церкви «*килиса*» заимствовано из греческого «*клизие, экклисиа*»; *бабас* «христианский священник, поп»; *жор* «крест» – искаженное грузинское *джвари* (1); *кьач* «крест, распятие, икона» и др.

В своем исследовании К.Г. Азаматов пишет, что «...у балкарцев раньше существовала присяга крестом «*кьач*» [3, с. 119]. В то же время до наших дней сохранились в языке выражения с позитивным значением креста и прямым указанием на православные обряды. Они

сохранились не только в устной речи балкарцев, но и в этнографической и художественной литературе. Ср.: при виде долгожданного гостя произносят *къач этейик* «сотворим крест», *къач керек* «нужен крест», *къач чырча (четен)* «корзина наполненная подарками, разными лакомствами и пряностями» (**этнограф.** термин свадебного обряда), **этнограф.** *къынгыр къач* «встречая, говорят, когда гость давно не приходил» (букв. кривой крест).

По этому вопросу С.К. Бабаев писал: «...Христианина балкарцы и карачаевцы называют «*крисстен*». У них до сих пор сохранилось выражение «*крисстенден туугъан крисстен*», что означает «христианин, рожденный от христианина». Они и ныне продолжают исполнять христианский траурный обряд и одеваться в черное при потере близких родственников, друзей и особо чтимых людей. Этот обряд балкарцы и карачаевцы называют «*къара кийген*», т.е. одеваться в черное, траурное [4, с. 179].

Глубокие следы христианство оставило в топонимии Балкарии. В качестве географических терминов выступают имена целого ряда «святых». Христианская религия исчезла, а местные наименования, возникшие под ее влиянием, до сих пор остались. Так, например, «*Элия*», т.е. христианский пророк Илья, считался божеством грома. «*Элия ургъан*» «место, где ударил св. Илья (молния)»; *Жор* «крест», *Жора суу* «креста вода (речка)», *Жора ырысхы* «креста поток (дождевой); *Тотур* (св. Федор), *Тотур къала* «башня, крепость (св. Федора) и др. [17, с. 91].

Об остатках христианства, связанных с культом св. Марии у кабардинцев и балкарцев, Г.Х. Мамбетов отмечает, что «...именем Марии – христианской богоматери назван не только день недели (мэрэм) у балкарцев (*байрым кюн* «пятница»), но и многие места, где были установлены каменные столбы или сложены груды валунов, почитаемых как священные. Как и у православных, у кабардинцев и балкарцев мэрэм (день Марии) считали праздничным, нерабочим днем, а имя Марии почиталось особо, так как она признавалась покровительницей женщин, плодородия и посевов. Летом ей посвящали даже специальный праздник» [11, с. 300].

Следует отметить, что христианская религия отвергла языческое многобожие и устанавливала христианское единобожие. У горцев христианство долго сосуществовало с язычеством и исламом, продолжало бороться за свои укоренившиеся позиции.

Как полагают исследователи, принятие ислама карачаевцами и балкарцами относится к XVII в., так как эти народы уже в начале XVIII в. пользовались арабской графикой для письма на своем языке [12, с. 106]. Это подтверждается имеющимися арабографическими памятниками, отражающими генезис карачаево-балкарского языка [5, с. 118]. Арабская графика имела статус графики делопроизводства – переписка со столичными чиновниками, с соседними округами непосредственно осуществлялась на ней.

Дальнейшему развитию письменного, книжного стиля способствовала литература на исследуемом языке, издаваемая на арабской графической основе, которая закрепила письменные формы и формировала каноны литературного карачаево-балкарского языка [21, с. 15].

Определенное количество арабских и персидских заимствований в северокавказские языки проникло, вероятно, разными путями в результате торговых, культурных и религиозных сношений северокавказских народов с персами [8, с. 303].

Огромная часть арабизмов проникла в карачаево-балкарский язык после утверждения ислама как общенациональной религии. В целом язык ислама оказал большое влияние на развитие всей национальной и духовной культуры носителей этого языка. Вместе с исламом в язык проникло определенное количество заимствований. В первую очередь это слова, связанные с религией, религиозно-правовые понятия (термины), обозначающие основы ислама и его шариата, в том числе названия существ и явлений, связанных с потусторонним миром.

Религиозная исламская лексика значительно обогатила терминологическую лексику карачаево-балкарского языка, став базой для образования большого числа словосочетаний и неологизмов. «Со временем она проникала в произведения устного народного творчества, духовной и художественной литературы. Так, основоположник балкарской литературы К. Мечиев записывал свои произведения на арабской графике, широко используя при этом арабизмы, в первую очередь, унифицируя религиозную лексику» [14, с. 96].

Широко заимствуется терминология, связанная с религиозными жанрами и понятиями: *бисмилляхи* «формула: во имя аллаха», *дин* «религия», *зикир* «помянуть», *иман* «вера», *къыяма* «судный день», *мёлек* «ангел», *жаханим* «ад», *жаннет* «рай», *ахырат* «загробная жизнь» *асхаб* «сподвижник пророка», *къадар* «судьба» и др.

В карачаево-балкарскую словесность активно проникают термины нравственно-духовного содержания: *инсан* «человек», *муслийман* «мусульманин», *файгъамбар* «пророк», *имам* «духовное лицо», *хажи* «человек, совершивший паломничество в Мекку», *дуния* «мир», *молла* «мулла, мусульманское духовное лицо», *нюр* «свет» и др.

Вместе с принятием ислама и признанием данной религии у балкарцев и карачаевцев формировался определенный порядок поведения в обществе, отношение к материальным благам, что находит отражение в таких понятиях (терминах), как *халал* «разрешенное к употреблению в пищу, дозволенное по мусульманскому закону», *харам* «запрещенное к употреблению в пищу, запретное по мусульманскому шариату», *ораза* «ураза, пост в месяц рамадан», *садакъа* «приношение, подаяние, милостыня», *фитир* «мусульманский религиозный налог (подаяние) с каждого члена семьи в честь поста рамадан или разговенья по норме шариата» и т.д.

Процесс заимствования из других языков осуществлялся, в частности, двумя путями – устным и письменным. Поскольку первые арабо-персидские заимствования попадали в карачаево-балкарский язык через устную речь, они трансформировались и подвергались фонетическому и грамматическому сдвигу, лексико-семантической адаптации, морфологическим изменениям в соответствии с правилами и особенностями языка-приемника. Ср.: араб. *акират* – карач. балк. *ахырат* «загробный мир», араб. *адат*, *адаб* – карач.-балк. *адет* «хорошие манеры поведения, обычай», араб. *къэфэн* – карач.-балк. *кебин* «саван». Из приведенных примеров видно, что их фонетическая структура перестраивалась согласно орфоэпическим нормам заимствующего языка. Многие арабские заимствования не подчиняются закону сингармонизма, присущему тюркским языкам, подвергаются фонетической адаптации, т.е. подчиняются закону гармонии гласных [16, с. 87].

При освоении арабо-персидских религиозных заимствований карачаево-балкарским языком семантика некоторых слов (терминов) подверглась семантическому сужению, а некоторые слова расширили свои значения. Так, например, в исследуемом языке сузило свое значение арабское слово (термин) *алим* «ученый, знающий, богослов». В современном карачаево-балкарском языке «*алим*» имеет одно значение – «ученый». Другим наиболее типичным видом семантической деривации арабских заимствований в карачаево-балкарском языке является расширение их концептуального поля. Ср.: араб. термин *ахырзаман* «конец света» – карач.-балк. *ахырзаман* «великолепный», удивительный». Как показывает фактический материал, в религиозной терминологической лексике исследуемого языка расширение значений отмечается реже, чем сужение.

Характеризуя функционирование арабо-персидских слов в терминологии, хотелось бы отметить, что заимствования достигли определенной степени ассимиляции в семантическом и фонетико-морфологическом отношении. Степень освоения арабо-персидских лексем религиозного содержания позволяет нам считать их прочно вошедшими в терминологическую лексику и свободно функционирующими в современном карачаево-балкарском языке.

Из вышеизложенного следует, что карачаевцы и балкарцы исповедовали в прошлом языческие культы, затем христианскую религию и, наконец, мусульманскую. Свидетельством тому служат сохранившиеся в исследуемом языке и зафиксированные современными словарями слова (термины), имена различных языческих божеств, христианских святых, названия дней недели, месяцев и топонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 602 с.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII – XIX вв. / Сост., коммент., вступит. статья В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. 636 с.
3. *Азаматов К.Г.* Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 143-169.
4. *Бабаев С.К.* К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 248 с.
5. *Байчоров С.Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск. 1982. С. 114-139.
6. *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. 152 с.
7. *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: Печатный двор, 2016. 272 с.
8. *Будаев А.Ж.* Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. 7. Нальчик. 1973. С. 302-327.
9. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.
10. *Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.* Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Филология и культура. 2012. № 2. С. 49-53.
11. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. 1967. С. 277-301.
12. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М., 1969. С. 105-108.
13. *Лавров Л.И.* Из поездки в Балкарию // Советская этнография. М.-Л., 1939. № 2. С. 175-181.
14. *Локьяева Ж.М.* Формально-семантические особенности употребления исламской религиозной лексики в стихотворении К. Мечиева «Аллаха махтау» («Хвала Аллаху») // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 95-99.
15. *Март Н.Я.* Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Георгием. Т. 16. Вып. 2-3. 1911.
16. *Махиева Л.Х.* Фонетическая трансформация арабо-персидских слов в терминологической лексике современного карачаево-балкарского языка // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2018. № 1 (81). С. 85-89.
17. *Мусукаев Б.Х.* Очерки балкарской ономастики. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2017. 171 с.
18. Новая философская энциклопедия: В 4-х т. // Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.
19. *Опрышко О.Л.* Старые календарные системы кабардинцев и балкарцев // Уч. записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 24. С. 201-214.
20. *Текуев М.М.* Теонимы в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982. С. 135-144.

21. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.
22. Шаманов И.М. Народный календарь карачаевцев // Из истории Карачаево-Черкессии. Сб. Вып. 7. Серия историческая. Черкесск, 1974. 171 с.

REFERENCES

1. Abaev V.I. *Osetinskiy yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 602 p.
2. *Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avtorov XII-XIX vv.* [Adyghes, Balkarians and Karachays in the news of European authors of the twelfth - nineteenth centuries] / *Sost., komment., vstupit. stat'ya V.K. Gardanova* [Comp., Comments., Introduction V.K. Gardanova]. Nalchik, 1974. 636 p.
3. Azamatov K.G. *Perezhitki yazychestva v verovaniyakh balkartsev* [Relics of paganism in the beliefs of the Balkars] // *Iz istorii feodal'noy Kabardy i Balkarii* [From the history of feudal Kabarda and Balkaria]. Nalchik, 1981. P. 143-169.
4. Babaev S.K. *K voprosam istorii, yazyka i religii balkarskogo i karachayevskogo narodov* [To questions of history, language and religion of the Balkar and Karachay peoples]. Nalchik: Elbrus, 2000. 248 p.
5. Baichorov S.Ya. *Karachayevo-balkarskiy arabopis'mennyy pamyatnik i yego otnosheniye k bulgarskomu yazyku* [Karachay-Balkar Arabic-Written Monument and its relation to the Bulgarian language] // *Voprosy yazykovykh kontaktov* [Questions of language contacts]. Cherkessk. 1982. pp. 114-139.
6. Batchaev V.M. *Iz istorii traditsionnoy kul'tury balkartsev i karachayevtsev* [From the history of the traditional culture of Balkars and Karachays]. Nalchik: Elbrus, 1986. 152 p.
7. Bittirova T.Sh. *Karachayevo-balkarskaya dukhovnaya literatura: rukopisnoye naslediye* [Karachay-Balkarian spiritual literature: handwritten heritage]. Nalchik: Printing House, 2016. 272 p.
8. Budaev A.Zh. *Arabo-persidskiye zaimstvovaniya v karachayevo-balkarskom yazyke* [Arab-Persian borrowing in the Karachay-Balkar language] // *Vestnik Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Research Institute]. Issue 7. Nalchik. 1973. p. 302-327.
9. Dzhurtubaev M.Ch. *Drevniye verovaniya balkartsev i karachayevtsev: kratkiy ocherk* [Ancient beliefs of Balkars and Karachays: a brief sketch]. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p.
10. Zamaletdinov R.R., Zamaletdinova G.F. *Yazyk – kul'turnyy kod natsii i klyuch k kul'ture vsego chelovechestva* [Language is the cultural code of the nation and the key to the culture of all mankind] // *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2012. № 2. Pp. 49-53.
11. *Istoriya Kabardino-Balkarskoy ASSR* [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. T. 1. 1967. p. 277-301.
12. Lavrov L.I. *Karachay i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the nineteenth century] // *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Issue 4. M., 1969. pp. 105-108.
13. Lavrov L.I. *Iz poyezdki v Balkariyu* [From a trip to Balkaria] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. M.-L., 1939. № 2. Pp. 175-181.
14. Lokyaeva Zh.M. *Formal'no-semanticheskiye osobennosti upotrebleniya islamskoy religioznoy leksiki v stikhotvorenii K. Mechiyeva «Allakha makhtau» («Khvala Allakhu»)* [Formal-semantic features of the use of Islamic religious vocabulary in K. Mechiev's poem "Allah Makhtau" ("Praise be to Allah")] // *Problemy sovremennoy kavkazskoy i tyurkskoy filologii i etnografii* [Problems of Contemporary Caucasian and Turkic Philology and Ethnography]. Nalchik: Publishing department of IGI KBNC RAS, 2017. P. 95-99.

15. Marr N.Ya. *Kreshcheniye arмян, gruzin, abkhazov i alanov svyatym Georgiyem* [The baptism of Armenians, Georgians, Abkhazians and Alans by St. George]. V. 16. Iss. 2-3. 1911.
16. Makhieva L.Kh. *Foneticheskaya transformatsiya arabo-persidskikh slov v terminologicheskoy leksike sovremennogo karachayevo-balkarskogo yazyka* [Phonetic transformation of the Arab-Persian words in the terminological vocabulary of the modern Karachay-Balkar language] // *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Nalchik, 2018. № 1 (81). Pp. 85-89.
17. Musukayev B.Kh. *Ocherki balkarskoy onomastiki* [Essays on Balkar onomastics]. Nalchik: Publishing House of KBNC RAS, 2017. 171 p.
18. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4-kh t.* [New philosophical encyclopedia: In 4 volumes] // *In-t filosofii RAN* [Institute of Philosophy, RAS]. M.: Thought, 2010. T. III. 692 p.
19. Opryshko O.L. *Staryye kalendarnyye sistemy kabardintsev i balkartsev* [Old calendar systems of Kabardins and Balkars] // *Uch. zapiski KBNI* [Scientific notes of the KBSRI]. Nalchik, 1967. T. 24. Pp. 201-214.
20. Tekuev M.M. *Teonimy v karachayevo-balkarskom yazyke* [Theonyms in the Karachay-Balkarian language] // *Aktual'nyye voprosy karachayevo-balkarskoy grammatiki i leksiki* [Actual issues of the Karachay-Balkar grammar and vocabulary]. Nalchik, 1982. P.135-144.
21. Ulakov M.Z. *Problemy leksicheskoy stilistiki karachayevo-balkarskogo yazyka* [Problems of the lexical stylistics of the Karachay-Balkar language]. Nalchik: Elbrus, 1994. 116 p.
22. Shamanov I.M. *Narodnyy kalendar' karachayevtsev* [Karachay people's calendar] // *Iz istorii Karachayevo-Cherkessii* [From the history of Karachay-Cherkessia]. Sat Issue 7. A series of historical. Cherkessk, 1974. 171 p.

SOME RELIGIOUS QUESTIONS TERMINOLOGY (ON THE MATERIAL OF MODERN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE)

M.Z. ULAKOV, L.Kh. MAKHIEVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal Scientific Center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

The article is the first attempt to comprehensively describe and study the religious layer of the terminological vocabulary of the Karachay-Balkar language. The influence of various religious beliefs on the development of the modern terminological system is considered; The ways of their penetration into the terminological vocabulary of the studied language are revealed. Phonetic (sound), semantic and grammatical transformational shifts and their features are noted.

Keywords: religion, Tengriism, term, theonym, pagan cults, Christianity, religious Islamic vocabulary, toponymy, geographical terms.

Работа поступила 04.06.2019 г.